

ЦЕРКОВНЫЕ БАРСИКИ

У Бога так много любви,
что её хватит и нашим меньшим братьям.

Недавно прочитала в православном журнале, что на Кипре, на полуострове Акротири действует мужской монастырь Святого Николая Кошатника. И недаром этот монастырь называют кошачьим: там живут десятки котов и кошек, обласканных монахами и многочисленными паломниками. Известно, что ни одно животное не может заходить за церковную ограду, но кошкам разрешается заходить даже в алтарь, воплощающий собой Рай. Как и всюду, коты при храмах несут своё благородное послушание – истребляют грызунов.

С кошками я дружила с самого раннего детства. Сколько радости приносили они в наш дом! Но сейчас я хочу рассказать о церковных котах. В Никольском морском соборе, где я трудилась в начале 90-х годов, жил старый кот Барсик. На кого он был похож? – Наверное, на старого корабельного боцмана. Кот был большой, с широкой мордой, разорванными в сражениях с воронами ушами, с потрёпанной, клоками торчащей шерстью. К обеденному времени Барсик всегда сидел возле дверей трапезной и требовал еды. «Барсик, подожди немного» – сетовала на его нетерпение повариха, но он настойчиво продолжал свою заунывную песню. Получив миску с едой, отобедав, сытый и довольный он отправлялся в сторожку, где до самого вечера мирно спал на подоконнике, а с наступлением сумерек выходил на свою «работу». Хороший был кот, верно служил церкви! В его бытность ни одна мышь на церковную территорию носа не показывала.

В начале 2000-х я ушла за духовным отцом в другой храм и несколько лет служила в трапезной храма Благовещения, что в Старой Деревне. И там были свои Барсики – каждый со своим характером, своими повадками, своими причудами, но каждый с искренней любовью и преданностью к человеку. В те годы при храме «служили» два кота. Одного совсем маленьким котёнком сердобольная старушка принесла с улицы и этим спасла его от неминуемой гибели. Здесь, при храме, он и вырос. Барсик не отличался особой кошачьей красотой – обыкновенный беспородный кот, серый в узкую полосочку. Он чувствовал себя хозяином большой церковной территории и спуску никому не давал. Нередко навевался он с «проверками» в соседние дворы, но после нескольких дней «шатаний» возвращался домой и, как уставший путник, долго отлёживался и отъедался. Другой кот был его противоположностью – смирный, безобидный, по благородному «одетый» в чёрный фрак с белой манишкой. За изысканные манеры и воспитанность мы стали называть его по-особенному, не по-кошачьи – Маркизом.

Барсик и Маркиз были друзьями, но верховодил, конечно же, Барсик, а Маркиз безропотно за ним следовал. За неугомонным Барсиком нужен был особый догляд. Однажды этот забияка попал в беду. Оказалось, что он почти

сутки просидел на дереве: по-видимому, удирая от собак, он «влетел» на дерево, а спуститься задним ходом не смог. Вечером, обходя территорию, сторож услышал его жалобное мяуканье. Хорошо, что это случилось летом, в другое время года кот просто бы замёрз. Сторож принёс стремянку, но она оказалась короткой, а наш проказник трясся на самой верхушке высоченного дерева. Чтобы вернуть кота на землю, пришлось воспользоваться раздвижной строительной лестницей. После этого случая Барсик целую неделю никуда не убегал, сидел дома и старался быть поближе к людям: ходил по пятам за сторожем или тёрся возле меня на кухне. Алтарница матушка Вера нередко рассказывала о проделках Барсика. Она раньше всех приходила в алтарь и частенько заставляла Барсика мирно спящим прямо на жертвеннике. С полотенцем в руках она прогоняла кота из «святых владений», да приговаривала: «Пострелёныш! и сюда уже забрался».

Кормились коты у меня в трапезной, а как же иначе. Ведь даже на старых картинах главными лицами на кухне изображали повара и упитанного кота у его ног. Барсика нельзя было назвать упитанным, хотя он очень много ел. Наголодавшись в младенчестве, он ел с жадностью, не зная меры, хватая куски то из одной, то из другой миски. Маркиз смиренно отходил в сторону, дожидаясь, пока Барсик вдоволь наестся. Для благородного Маркиза приходилось «накрывать стол» в другой комнате. С улыбкой я вспоминаю Барсика; вдобавок ко всем его достоинствам и недостаткам, он был ещё и настоящим гурманом – он обожал свежие огурцы и сырую картошку.

Оба кота интуитивно чувствовали церковную благодать, недаром же они жили при храме. Барсик любил «посещать» многолюдные церковные службы. Прошмыгнёт в храм вслед за прихожанами и – бегом по винтовой лестнице на второй этаж. Там он осторожно пробирался по центральной балке, соединяющей два храмовых крыла, устраивался прямёхонько над алтарём, и с этой высоты внимательно слушал многоголосые песнопения. Иной прихожанин, вознеся взор к Небу, в изумлении видел в высоте свешивающийся с балки кошачий хвост и трепетные уши, которые как два маленьких локатора чутко улавливали голоса певчих. Выходы «в свет» нашего кота отвлекали прихожан от молитвы, и отец настоятель всячески старался их прекратить. Но как это сделать? Теоретически это было просто, но на практике лишить кота свободы перемещения было невозможно. Барсик изо дня в день с кошачьим упорством пытался проникнуть в храм, чтобы ещё раз услышать полюбившиеся ему церковные песнопения.

Маркиз предпочитал уединённые вечерние молитвы. Он дожидаясь сторожа, пока тот обойдёт территорию, закроет церковные ворота и в тишине приступит к вечернему правилу. Огонёк лампадки освещал небольшую комнату и несколько икон на стене в скромных рамах. Лики Святых «оживали» от слов молитв. Боголюбивый паренёк Андрей, служивший чтецом и по совместительству сторожем в нашем храме, смиренно склонял голову перед Божиим ликом, а рядом с ним наш благочестивый котик со всем своим усердием упирался лбом в пол. Возможно, я бы в это и не поверила, если бы сама не видела Маркиза «молящимся».

Удивительно то, что Барсик и Маркиз обожали отдыхать в кресле настоятеля; другие сиденья их совсем не привлекали. Вдвоём они устраивались в кожаном кресле самого «важного» человека в храме, и в этом «гнездышке» им было тепло и уютно. По воскресеньям они не гнушались посидеть на простой деревянной лавке, но только бок-о-бок со священником. Барсик преданно заглядывал в лицо батюшке, терпеливо ожидал от него добрых слов. Мы все любили этих котов, забывая об их бесчисленных проказах, разодранных обоях и поцарапанной мебели. Все эти мелочи меркли перед главным предназначением наших «усатых помощников» – охраной церковных владений от посягательств мышей.

Наверное, два или три года эти «неразлучные друзья» прожили при храме, но однажды они исчезли. Тщетны были наши попытки найти их в соседних дворах. Куда они убежали, что с ними случилось, живы они или нет? Возможно, что они погибли под колёсами машины, но в это не хотелось верить. Возможно, их приласкали в другом доме и они до сих пор живут в тепле и сытости. Об этом никто не знал, разве что порывистый осенний ветер, но он сохранил это в тайне. Через несколько месяцев кошачий дух окончательно выветрился, а мыши, осмелевшие от безнаказанности за свои хулиганства, уже без опаски бегали по нашей территории.

Милостивый Господь и на этот раз послал нам помощника. Храму «подарили» взрослого кота, и мы с интересом его разглядывали. На пороге трапезной сидел большой, упитанный и холёный кот с красивой широкой мордой, громадными усами, гордо торчащими в разные стороны и большущими, выразительными, серыми глазами. Длинная шелковистая шерсть лоснилась на его боках, а природа раскрасила её крупными белыми, серыми и чёрными пятнами. Примечательной особенностью в его облике был проборчик на голове. Кот был, несомненно, красив и породист, с манерами не простого кота, но знатного и умудрённого достаточным жизненным опытом. Такого красивого кота у нас никогда не было! Огорчала нас только его кличка. Для кота с такой яркой внешностью была бы достойной какая-то громкая и выдающаяся кличка, но покойная хозяйка назвала его Лаптиком. Мы узнали, что её сын служил в большом храме дьяконом. Оказалось, что наш новый питомец с самого рождения жил в церковной семье.

Лаптик любил уединение, и для жизни облюбовал себе верхнюю полку в кладовой, откуда и спускался вниз каждое утро. С поваром, то есть со мной, Лаптик был ласков. Он тёрся у моих ног, оставляя длинные шерстинки на юбке, и заискивающе смотрел на меня, выпрашивая еду. Несмотря на преклонный возраст, Лаптик хорошо ел, не капризничал по поводу меню и съедал всё, что было в его миске. Иногда прихожане угощали его свежей речной рыбой, с ней он лихо расправлялся, впрочем, также как и с куриными головами, от которых оставались только клювы. Вкусные пиршества для кота бывали в большие церковные праздники. Получалось так, что радовалась празднику вся церковная братия и кот тоже. Свою еду Лаптик получал не зря. Поначалу нам казалось, что старый кот не справится со своей работой, но

наши опасения были напрасны. Мыши сразу почувствовали в нём серьёзного противника, и за версту обходили храм.

У Лаптика был только один недостаток – он панически боялся мужчин. Его кошачья жизнь прошла в доме, где редко гостили мужчины. Он твёрдо усвоил, что люди в юбках, такие же как и его хозяйка, любили его, баловали, холили, вкусно кормили, но чего можно было ожидать от мужчин в чёрных брюках, пахнущих лосьоном для бритья, он не знал, и потому удирает от них «сломя голову».

И этот кот недолго прожил при нашем храме. Жаль, что мы не смогли уберечь Лаптика от беды. А беда была рядом – дороги. Кто бывал в Приморском районе вблизи ЦПКиО, тот может себе представить «святой мысочек», зажатый между двумя дорогами, где в вечном движении мчатся машины по Приморскому проспекту и улице Савушкина. Не трудно себе представить и испуганного кота, выбежавшего на проезжую часть. Сколько кошек и собак погибает на таких больших и оживлённых трассах! Когда-то Старая Деревня славилась тихой размеренной жизнью Петербургской окраины. Это был уютный дачный пригород, несомненным украшением которого был красивый храм со звонницей, уходящей в небо.

Расскажу ещё об одном церковном Барсике и, пожалуй, самом дорогом для меня. Вы не можете себе представить, как тяжело думать о нём в прошедшем времени. Наверное, никто из людей не мог быть таким преданным и любящим, как это четвероногое существо. Если и не было у Барсика бессмертной души, то, поверьте, доброе и преданное сердечко билось в его груди.

Милый Барсик! Вспоминаю, каким заморышем его принесли в наш храм. Это жалкое зрелище могло повергнуть в уныние любого. Ему было от силы три месяца, ничем не приметному дворовому котёнку, каких много в старых петербургских дворах. Худенькое тельце держалось на тонюсеньких, кривеньких лапках; сзади тоненькой верёвочкой висел хвост; жалкой выглядела его узкая мордочка с непропорционально большими ушами и боязливыми глазками... Одним словом, этот страшенький котёнок вызывал у нас только жалость, но ведь именно таких слабых обездоленных существ хочется приласкать и обогреть. Мы все жалели Барсика, и скоро он сам понял, какое счастье ему привалило. Уже через полгода из «гадкого» серого котёнка он превратился в красивого кота. Барсик отъелся на «церковных харчах», в его глазах уже не было панического страха, и хвост теперь он держал «морковкой». Когда-то невзрачная серая шерсть стала гладкой и ухоженной. Но Барсик был одарён и особой отметиной: на его спине из крупных тёмных полосок был составлен крест. Значит, неспроста этот кот оказался при храме.

Барсик не сразу понял своё предназначение, и, всё же, можно было сказать, что он «служит». За него работал его кошачий дух, а мышам этого было вполне достаточно, чтобы трястись от страха. Врождённый кошачий инстинкт сработал тёмным осенним вечером – тогда Барсик впервые поймал мышь! Он долго бегал по саду, не выпуская трофей из зубов. Он явно

хвастался и гордился своей победой. За «верную службу» Барсик был вознаграждён вкусным ужином. Теперь Барсик твёрдо усвоил свои обязанности. Охранять храмовую территорию от мышей – стало делом его кошачьей чести.

Так Барсик стал взрослым котом. И теперь мы могли спокойно спать, не заботясь о том, что заблудшая мышь погрызёт овощи в кладовой. Но я постоянно не высыпалась из-за того, что Барсик каждую ночь «уходил на охоту». Он мог целый день проспать на подоконнике, но как только стрелки часов показывали половину первого ночи, Барсик настойчиво просился на улицу. Вся сложность заключалась в том, что мне надо было открывать и закрывать за ним двери. Вместе со своими друзьями Барсик бегал по ночным притихшим улицам иногда до четырёх-пяти часов утра, а я дожидалась его возвращения. Спать мне приходилось в «полглаза», так как не хотелось оставлять кота ночью на улице, где без конца шныряли стаи бездомных собак. «Барсик, возвращайся пораньше». – Но, где там! На улице ночью такое раздолье! Слава Богу, что зимой и слякотной осенью его прогулки были короткими.

Для любимой хозяйки Барсик особенно старался. Однажды он притащил мне в трапезную только что пойманную мышку, и ведь выискал не простую серую мышку, а – рыжую. Он положил её у порога кухни, а та – встrepенулась и побежала. Скольких трудов стоило мне выловить её из-под буфета! И разве можно было на кота сердиться, ведь он от чистого сердца хотел меня порадовать.

Каждый вечер перед сном Барсик гладил мою щёку мягкой лапкой и сладко мурчал мне в ухо. В этой нежности было столько любви и преданности! – «Барсик, и я тебя очень люблю». Он был для меня, как ребёнок. По возрасту я могла уже быть бабушкой, но сын не подарил мне внуков, и поэтому Барсику перепадало гораздо больше любви, чем просто коту. И, когда он пропал на целых четыре месяца, я очень горевала. Вспоминаю, что Барсик пропал ещё в Успенский пост. Сколько бессонных ночей я провела в поисках! – «Если он жив, то обязательно вернётся». И вот уже осыпалась листва с деревьев, и снежок припорошил землю... Закончилась в храме служба в праздник «Введения во храм Пресвятой Богородицы», закончилась праздничная трапеза, и вот тогда я услышала под окном кухни знакомое мяуканье. «Барсик вернулся!!!» Наверное, Сама Богородица привела домой «блудного кота» в большой церковный праздник.

Где Барсик провёл те месяцы никто не знал. Домой он вернулся очень худым и с повреждённым глазом. Доктор-ветеринар из ближайшей клиники прописал для кота усиленное питание, но повреждённый глаз вылечить не обещал. Наверное, только через месяц наш горемыка успокоился и отъелся. Барсик с детства был «немногословным» котом, но в то время все служащие нашего храма слышали его жалобное мяуканье. Он сидел на пороге трапезной и каждому «рассказывал» о своих злоключениях. Видимо, натерпелся бедняга за то время. Прихожане, глядя на одноглазого Барсика, в шутку называли его Кутузовым (как известно, Михаил Илларионович тоже

был лишён одного глаза). Барсик и с одним глазом держал в поле зрения всю храмовую территорию. И, не дай Бог, если за ограду храма заходила приبلудная собака. Барсик принимал воинственный вид: шерсть его поднималась дыбом, он грозно шипел и бесстрашно наступал на незваного гостя. Даже большие собаки не выдерживали кошачьего натиска и уходили восвояси.

С этим замечательным котом мы прожили «душа в душу» почти три года, и бок-о-бок несли при храме свои послушания.

Как жаль, что век наших Барсиков такой короткий. Дорогие мои, не обижайте котов!

**Санкт-Петербург, 2012 год, октябрь,
Лариса Дмитриева**